

Matti Lii m o l a, *Zur historischen Formenlehre des Wogulischen I. Flexion der Nomina (= MSFOu 127)*, Helsinki 1963. 247 стр.

В прошлом веке благодаря трудам целого ряда видных венгерских и финских ученых была проложена дорога к исследованию морфологии и синтаксиса мансийского языка. Но при изучении богатых собраний текстов Б. Мункачи, А. Регули, А. Альквиста, А. Каннисто и др. до сего времени преимущественно уделялось внимание исторической фонетике мансийского языка. Первое систематическое и всестороннее описание истории формирования именных флексий в мансийском языке мы находим в докторской диссертации Матти Лиймола «Zur historischen Formenlehre des Wogulischen I».

В основу исследования легли уже опубликованные, а также рукописные тексты финского ученого А. Каннисто, в случае необходимости учтены собрания текстов и труды других ученых, причем довольно часто автор ссылается на советских языковедов А. Н. Баландина и М. П. Вахрушеву. Уже в своих ранних работах Матти Лиймола касается отдельных вопросов изучения мансийского языка, но только редактирование собрания текстов своего учителя А. Каннисто (за период с 1951 по 1959 г. было издано пять томов мансийского фольклора, снабженных переводом М. Лиймола), а также знакомство с другими материалами по мансийскому языку позволили автору дать такой глубокий анализ основных вопросов морфологического строя этого далекого родственного языка, что особенно важно для понимания и освещения вопросов истории венгерского языка. В работе часты ссылки именно на соответствующие явления в венгерском языке — отметим, что неплохо было бы, пожалуй, привлечь несколько больше сравнений и из других родственных языков. Труд М. Лиймола — первое сравнительно-историческое исследование по морфологии обско-угорских языков, и таким образом им как бы знаменуется начало новой ступени в изучении этой ветви финно-угорских языков.

Если при описании синтаксического строя можно как-то обойтись и без соответствующих знаний по отдельным во-

просам исторической фонетики, то успешное исследование морфологии как близких, так и далеких родственных языков требует от ученого глубоких познаний и в этой области. Автору данного труда в ряде случаев удается дать удачные истолкования явлений не только в результате хорошего знания фонетического строя мансийского языка, но и благодаря верному восприятию стилистических нюансов мансийской разговорной речи.

Богатый диалектный материал автор анализирует в четырех главах: I — Признаки числа (стр. 11—24), II — Парадигма склонения существительных (стр. 24—131), III — Падежные формы других склонений (стр. 131—201), IV — Притяжательные суффиксы (стр. 202—241). Структура работы четка и логична.

В рамках данной рецензии можно дать лишь очень поверхностное и схематическое описание проблематики этого исследования.

Признаки числа в мансийском языке имеют только множественное и двойственное число. Единственное число особого признака не имеет, как и во всех других финно-угорских языках. Наряду с обычным признаком множественности *t* употребляется также *n*, встречающийся только в поссессивном склонении. Признак двойственного числа **γ* в некоторых диалектах употребляется и в наше время, но параллельно встречаются формы с его утратой и слиянием с предшествующей гласной. В именах числительных первоначально с признаком двойственного числа употреблялось лишь число «два», но при счете этот признак стал переноситься и на число «один». В некоторых диалектах **γ > *β*, а затем произошла вокализация, но вообще в говорах картина употребления двойственного числа довольно пестрая — автору в ряде случаев пришлось опираться и на явление контаминации *-i- + -äγ-* (стр. 21).

Центральной частью исследования является анализ падежных окончаний в мансийском языке, причем автор рассматривает отдельно склонение имен и наре-

чий, которые имеют особое дефектное склонение. В исследовании реконструируется следующая падежная система пра-мансийского языка.

Номинатив единственного числа равен обычной основе слова; в двойственном и множественном числе к ней присоединяется соответствующий признак. Окончание аккузатива — *-m* или *-m* + секундарная гласная (например, ед. *лõтмэ* 'лошадь', двойств. *лõу́тмэ* 'обоих лошадей', мн. *лõтмэ* 'лошадей'). Аккузатив обычно выступает при определенном объекте, а в случае неопределенного объекта употребляется номинатив. Автор убедительно доказывает, что неверно связывать мансийский аккузатив на *-m* с притяжательным суффиксом 1-го лица ед. числа. Уральское происхождение этой формы не вызывает никакого сомнения (стр. 34). В мансийских диалектах употребляется и оканчивающийся на *-nä*, *-n* аккузатив, который развился сравнительно поздно на основе элатива-аблатива (стр. 43). Параллели такого же пути развития, как нам хорошо известно, наблюдаются в саамском и прибалтийско-финских языках.

Формы локатива в наше время восходят к **-nз* и **-tз* (< **-tтз*). В склонении существительных формы на **-nз* в настоящее время уже вытеснены (стр. 145).

В прежнее время суффикс **-tз* выступал также в функции инструментал-комитатива. К нему восходят преимущественно формы, оканчивающиеся на *-i*, *-tä*, *-täi*.

Исходной формой элатива-аблатива было окончание **-lз* и **-nälз*. В пра-мансийском языке эти форманты были носителями и функции инструментал-комитатива, позже они закрепились за этими падежами. Падежное окончание **-nälз* имеет постпозиционное происхождение (стр. 66).

В лативе употреблялись окончания **-γ* и **-nä*, причем первое из них прежде выполняло и функцию транслатива-эссива (стр. 123). Это старое значение сохраняется лишь в наречиях. Более позднее по образованию **-nāγ* имеет постпозиционное происхождение, как и падежные окончания элатива-аблатива, а также комитатива (стр. 95). Падежное окончание комитатива **-nätз* восходит к угор-

скому периоду (стр. 121); ему соответствует венгерское *-nitt*, *-nett*, *-nott*. Окончание вокатива то же, что и в повелительном наклонении глагола. Подобное явление наблюдается и в хантыйском языке (стр. 130).

По поводу элатива-аблатива, латива и комитатива было прежде довольно широко распространено предположение, будто бы эти формы восходят к слитным сложным суффиксам, но М. Лиймола придерживается вполне обоснованно точки зрения венгерских ученых Буденца, Фокош-Фукса и др., которые считают, что эти формы имеют постпозиционное происхождение. Исходной была форма **nā* в значении 'близость'. Образование падежных окончаний из постпозиционных слов, кроме венгерского, характерно и для целого ряда прибалтийско-финских языков (например, образование комитатива с основой на **kansa* в эстонском, ливском, водском, финском и ижорском, а также комитатив с основой на **kerða* в карельском и вепском языках), на что автору диссертации также следовало бы обратить внимание.

При анализе падежных окончаний мансийского языка М. Лиймола исправляет повторяющуюся со времен Синнеи ошибку, встречающуюся в научной литературе в связи с переводом формы *tälna* ~ *tēlna*, указывая, что она означает не 'зимой', а 'к зиме', т. е. что это латив, а не локатив (стр. 148).

В четвертой части исследования приводятся таблицы, иллюстрирующие возможности употребления отдельных притяжательных суффиксов, здесь же анализируются их исходные формы. Множественное число принадлежности выражается с помощью *-n*, причем этот же элемент употребляется в объектном спряжении, спрягаемые окончания которого образовались, как известно, из притяжательных суффиксов (стр. 237). М. Лиймола вполне обоснованно полностью отвергает предположение Клемма, будто в основе притяжательных суффиксов множественного числа лежит **i*, встречавшийся прежде в личных местоимениях (стр. 228).

При рассмотрении как притяжательных суффиксов, так и форм числа было бы полезно учесть также материалы по мансийскому языку, приведенные в труде «Сравнительные словари всех языковъ

и нарѣчий, собранные десницею всевысочайшей особы» (Въ Санктпетербургѣ 1787 и 1789 гг.) Петра Симона Палласа. Хотя в этой работе слова, как правило, даны в форме номинатива, мы сталкиваемся в ней и с рядом притяжательных суффиксов (например, *пуумъ* 'сын', но вернее 'мой сын' и др.). В некоторых случаях наблюдается раздельное написание окончаний слов. Это — единственный пробел с точки зрения использования материала, на что и можно указать, как на небольшой недочет богатого по содержанию и интересного научного исследования. Фонетически сложные примеры из мансийского языка цитируются автором корректно, встречаются лишь незначительные опечатки в тексте.

Исследование М. Лиймола, посвященное описанию именных флексий мансийского языка, — солидное пополнение фонда трудов по морфологическому строю финно-угорских языков. Нет сомнения, что это работа своими плодотворными результатами побудит как финских ученых, так и финно-угроведов других стран заняться более детальным и более широким по охвату сравнительно-историческим исследованием морфологических проблем. Перед самим М. Лиймола стоит задача дать столь же глубокий морфолого-фонетический анализ и глагольных форм мансийского языка.

ПАУЛЬ АЛВРЭ (Вильянди)

Gyula Décsy, *Jurak Chrestomathy*, Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, Vol. 50, Bloomington 1966. 107 стр.

Рецензируемая книга Дьюла Дечи предназначена в качестве пособия для студентов финно-угорского семинара, изучающих ненецкий язык. Состоит она из трех частей: краткого очерка грамматики ненецкого языка (71 стр.), текстов на ненецком языке (10 стр.), ненецко-английского словаря (17 стр.).

Грамматической части предшествует небольшое введение, в котором сообщается о территории расселения ненцев, их численности, диалектном членении, письменном ненецком языке, указываются некоторые ненецкие учебники, пособия по ненецкому языку, русско-ненецкие и ненецко-русские словари. Специально оговорены изменения (по сравнению с принятыми в литературе), введенные автором для передачи на письме ненецких звуков: сохранение буквы *x* при латинизированной системе графики, обозначение знаком *h* обоих гортанных смычных звуков.

В первом разделе (фонология) даются сведения о фонемном составе ненецкого языка и его основных фонетических закономерностях. Приводится соответствие в обозначении ненецких звуков, принятых в работе, знакам ненецкого практического

алфавита. Перейдя к словоизменению (второй раздел), Д. Дечи останавливается на фонетическом строении именных основ и делении их в связи с этим на фонетические классы. Он приводит парадигмы склонения в основных, лично-притяжательных и лично-предназначительных формах (к последним даются пояснения и примеры употребления). Далее идет речь о предикативных формах имен также с образцами изменения по лицам и по временам. За существительными следуют личные, лично-указательные и вопросительные местоимения в характерных для них формах.

Параграф, посвященный глаголу (как и посвященный существительному), начинается с описания фонетической структуры глагольных основ и деления глаголов в зависимости от конечного звука основы на классы спряжения. Затем идут парадигмы спряжения в различных типах: субъектном, объектном, возвратном как регулярного, так и нерегулярного образования, приводятся также данные об отрицательных формах спряжения глагола. Из глагольных слов дана условная форма герундия и образцы ее словоизменения